

Ю Чжао слегка вздохнул, его выражение лица расслабилось:

— Тогда, третий брат, ты хотел что-то мне сказать?

Чжао Вэньчжэн вдруг запнулся:

— ...

Он только что решился признаться Ю Чжао, но это было основано на предположении, что тот знает его мысли. Теперь, когда Ю Чжао сказал, что это неправда, если он будет настаивать на признании, это будет глупо.

Нужно действовать постепенно.

Он с трудом выдавил:

— Нет, я просто хотел позвать тебя.

Ю Чжао ответил ему трогательной улыбкой.

Вечером, спускаясь с горы, Чжао Вэньчжэн увидел, что у подножия начал работу ночной рынок. Торговцы выкрикивали свои товары, в основном продавая красные нити и нефритовые подвески, а также такие блюда, как вонтоны и танъюань. Он прошел через толпу, увидел, как молодая пара купила красные нити и с любовью обмотала их вокруг запястий друг друга, и вдруг почувствовал сожаление, что не воспользовался моментом раньше.

Потом, подумал он.

Самая большая опасность после прибытия в этот мир была странным образом решена легким замечанием Ю Чжао. Вечером они вернулись домой, поужинали с отцом и матерью Чжао, затем проводили Ю Чжао в его комнату, и, оставшись один, Чжао Вэньчжэн начал задумываться о будущем.

Он не знал, вернется ли он однажды внезапно обратно, но он не мог из-за этого возможного будущего пренебрегать жизнью в этом мире.

К тому же здоровье Ю Чжао было слабым, и возможности семьи Чжао ограничены. Если не говорить о другом, то просто для того, чтобы вылечить Ю Чжао, ему нужно было стремиться вверх.

А в этом мире, где сила ценится превыше всего, лучший путь вверх — это, несомненно, культивация.

Похоже, ему нужно как можно скорее вернуть Ю Чжао в секту Гуйи.

Только вылечив Ю Чжао, он сможет по-настоящему открыть свои чувства и искренне начать ухаживать за ним.

Когда это произойдет...

Думая о том, как будет выглядеть Ю Чжао после выздоровления, Чжао Вэньчжэн почувствовал тепло в груди. Он изо всех сил старался подавить эти слишком сильные эмоции, размышлял и решил, что не должен продолжать погружаться в эти фантазии. Он заставил себя взять книгу и начал читать.

Но вскоре он понял, что это бесполезно.

Он встал, выпил чашку холодного чая, прошелся несколько раз по комнате, но его сердце все еще билось часто, как будто подгоняемое быстрым ритмом барабана, подталкивающее его, уговаривающее его.

Такое сильное желание увидеть кого-то он не испытывал ни в этой, ни в прошлой жизни. Это было для него новым, и поэтому он не мог сопротивляться.

Через час он не выдержал, взял фонарь и тихо отправился в комнату Ю Чжао.

Ночь уже была глубокой, свет в комнате Ю Чжао погас. Он сделал знак слуге у двери, чтобы тот молчал, и сам тихо вошел.

На кровати Ю Чжао спал, его лицо было повернуто к двери, лунный свет, проникающий через окно, освещал его лицо, делая выражение спокойным и мирным.

В комнате горел успокаивающий аромат. Чжао Вэньчжэн, как человек из современного мира, в прошлой жизни не привык к благовониям, и после прибытия сюда также не особо их воспринимал, но в этот момент он вдруг почувствовал, как этот аромат наполняет его сердце, сладкий, приятный, с едва уловимой ноткой соблазна.

Как будто это был не успокаивающий аромат, а что-то более игривое.

Он молча смотрел на Ю Чжао, в какой-то момент ему показалось, что он любуется шедевром мировой живописи. Его дыхание стало тише, он не мог оторвать взгляда, и так неподвижно смотрел долгое время.

Затем он протянул руку, словно хотел коснуться щеки Ю Чжао, но в последний момент изменил направление.

В конце концов он лишь аккуратно поправил одеяло и тихо прошептал:

— Спокойной ночи.

И, удовлетворенный, вышел из комнаты.

В тот момент, когда он повернулся, Ю Чжао открыл глаза, его лицо было обращено к его спине, словно он провожал его взглядом. Его выражение было неясным, и трудно было понять, о чем он думал.

На улице светила луна, и Чжао Вэньчжэн, идя под ее светом, вдруг вспомнил те слова, которые он сказал Ю Чжао в день своего прибытия.

Тогда он сказал, что женился на нем, потому что любит его.

Хотя тогда он говорил это ради спасения своей жизни, но если это случилось всего через семь дней, это не слишком поздно, правда?

Хотя он уже решил, что нужно как можно скорее вернуть Ю Чжао в секту Гуйи, это не могло произойти за один день. Нужно было дождаться конца года, чтобы здоровье стабилизировалось.

На следующее утро Чжао Вэньчжэна вызвал отец Чжао, чтобы помочь — хотя на самом деле

это было больше похоже на то, что отец работал, а он наблюдал. Он знал, что это урок отца, и терпеливо дождался конца, к полудню его отпустили, он пообедал с Ю Чжао, успел отправить человека в дом Ю с подарками, а затем снова был вызван, и только к закату окончательно освободился.

Он спросил у слуги, сопровождавшего Ю Чжао, и узнал, что тот еще не закончил свою практику, поэтому не стал мешать. Вместо этого он отправился на кухню.

Когда Ю Чжао закончил, он сам подъехал на коляске, и вскоре в дверь тихо постучали.

Чжао Вэньчжэн подвел его к столовой и с улыбкой сказал:

— Сегодня ты весь день был занят, устал? Давай поужинаем.

Он сам тоже был занят весь день, но обычно не был так оживлен. Ю Чжао сначала подумал, что это из-за вчерашнего события, но, попробовав блюдо, понял, в чем дело.

Он остановил палочки и поднял голову:

— Ты готовил?

— Да, — голос Чжао Вэньчжэна звучал радостно, он подал ему блюдо, — Как, тебе нравится?

Ю Чжао слегка кивнул, затем услышал его тихий вопрос:

— В последние дни ты, наверное, плохо ел?

— ... — Ю Чжао спокойно ответил, — Если бы мастер Ван услышал это...

— Пусть слышит, — Чжао Вэньчжэн махнул рукой, — Домашняя еда слишком острая. Когда я готовил, представляешь, даже сковорода была острой. Я мыл ее много раз, чтобы хоть как-то использовать.

Ю Чжао рассмеялся:

— Не может быть так плохо.

— Ну, не так уж и плохо, — Чжао Вэньчжэн честно признался, — Я просто хотел тебя развеселить.

Ю Чжао слегка сжал губы, на его лице мелькнуло сложное выражение, но оно быстро исчезло, и он только улыбнулся:

— Спасибо, третий брат.

Хотя шутка про острую сковороду была преувеличением, вся семья Чжао любила острую еду, и нанятые повара тоже готовили с большим количеством специй, даже простую зелень они посыпали перцем, иначе считали, что блюдо безвкусное.

Ю Чжао не проявлял особой привередливости в еде, но если внимательно наблюдать за человеком, можно заметить его настоящие предпочтения. После нескольких совместных обедов Чжао Вэньчжэн понял, что Ю Чжао предпочитает легкую и сладкую пищу. А отец и мать Чжао, напротив, терпеть не могли блюда с сахаром и уксусом, что и сказывалось на их меню.

Чжао Вэньчжэн мог есть все, но вскоре его внимание отвлеклось, и он начал сосредоточенно подкладывать блюда Ю Чжао, попутно открыто наблюдая за ним.

Его взгляд был слишком сосредоточенным и наполненным жаром. Через некоторое время Ю Чжао не выдержал и тихо сказал:

— Третий брат, я чувствую.

В его голосе звучала легкая досада.

Чжао Вэньчжэн слегка смутился, кашлянул:

— Я тебя отвлекаю?

— Не совсем. Но если ты будешь продолжать смотреть...

Он не договорил:

— Не думай только обо мне, давай поедим вместе.

Чжао Вэньчжэн внимательно посмотрел на его выражение, убедился, что не вызвал недовольства, успокоился и перестал смотреть так открыто.

После ужина Чжао Вэньчжэн собрал посуду и уже собирался уйти, как вдруг подумал, что весь день он почти не проводил время с Ю Чжао.

Эта мысль заставила его не хотеть уходить. Он повернулся, снова сел и даже притворился, сказав:

— Я подумал, пусть посуду уберут другие.

Ю Чжао:

— А?

Чжао Вэньчжэн с серьезным видом пожаловался:

— Я терпеть не могу мыть посуду. Готовить — пожалуйста, но мыть посуду — это настоящая пытка.

Ю Чжао понял, сжал губы и мягко сказал:

— Ничего страшного, когда я выздоровею, я буду мыть.

Эти слова словно заколдовали Чжао Вэньчжэна, и он застыл на месте.

Он широко раскрыл глаза, все слова, которые он собирался сказать, вдруг исчезли, или, возможно, он просто потерял дар речи. Только его глаза смотрели на Ю Чжао, а сердце бешено колотилось.